

Абузар БАГИРОВ

*писатель, доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ*

МАСТЕР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Сеид Гусейн Мирказым оглы Садызаде

В истории практически любой страны мира имеются чёрные страницы, нередко заставляющие содрогнуться цивилизованное человечество. В истории бывшего Советского Союза одной из таких чёрных страниц были учинённые по всей обширной стране в 30-40-е годы повальные политические репрессии, губительная волна которых захлестнула и некоторые соседние страны. Как известно, латинское слово *repressio* означает подавление, угнетение. Когда комплекс карательных мер применяется государственными органами как наказание, якобы с целью защиты и сохранения существующего строя, такие методы однозначно

представляют собой политическое насилие – репрессию в отношении собственного народа.

Ныне на цивилизованном законодательном уровне **в качестве политических репрессий квалифицируются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам**, в следующих проявлениях: лишение жизни или свободы; помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения; выдворение из страны и лишение гражданства; выселение групп населения по социальному, этническому, конфессиональному и пр. признакам в другие, нередко неблагоприятные для жизни местности, отправка в ссылку, высылку или на спецпоселение; привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы; иные формы лишения или ограничения прав и свобод лиц, признанных опасными для государства.

В указанный период жертвой политических репрессий мог стать любой гражданин СССР. Карательный аппарат режима беспощадно нарушал базовые права и свободы человека, провозглашённые цивилизованным миром на тот момент уже не одно столетие.

Но сегодня уже хорошо известно, что хоть 1937 год и считается пиком репрессий, этот пик был основательно подготовлен предыдущими годами жестокости – достаточно вспомнить расстрелы заложников в годы гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьян и т.п. Этот маховик насилия стал набирать обороты, когда привлекательные на первый взгляд, но оказавшиеся пустыми идеалы были поставлены выше главной ценности – человеческой жизни, прав и свобод человека. Были расстреляны или

сосланы в лагеря миллионы людей, **среди которых преобладали те, кто имел собственное мнение и имел неприятную для власти привычку его высказывать.** Эти люди составляли цвет нации. И нет сомнения, что каждый народ бывшего СССР еще очень долго будет по-своему ощущать на себе последствия трагедии тех лет.

В те тяжелые годы **азербайджанский народ потерял немало своих достойнейших сыновей и дочерей. Прискорбно, что среди бесчисленных жертв политических репрессий 1937 года оказался Сеид Гусейн** - одна из ярких фигур азербайджанской литературы начала XX столетия.

Сеид Гусейн Мирказым оглы Садыгзаде родился в 1887 году в Баку, в семье капитана гражданского судна. В пятилетнем возрасте он потерял отца, который погиб при кораблекрушении в Каспийском море, и с того времени Гусейна взял к себе его дед Сеид Садыг, под покровительством которого он жил и воспитывался. По настоянию деда в 1894–1896 годы учился в медресе, а в 1897–1902 годы обучался в русско-азербайджанской школе, которой руководил **известный азербайджанский педагог-просветитель, уроженец города**

Рассказ "Зубная боль или несчастный Маторен", переведенный Сеидом Гусейном с турецкого языка на русский

Сеид Гусейн. Прижизненный рисунок

Шамахи Габиб бек Гаджи Ибрагимхалил оглы Махмудбеков (1864–1928). В 1904 году, после смерти любимого деда, в силу тяжёлого материального положения Сеид Гусейн вынужден был начать трудовую деятельность в газете «Каспий» в должности наборщика.

Первые публицистические статьи и рассказы Сеида Гусейна датируются **1905–1906 годами**, а его первые критико-библиографические заметки появились в печати в 1908 году. **В 1911 году в Баку вышел первый сборник рассказов Сеида Гусейна «Бедный Мешади Заман».** В том же году он был принят во вновь созданное общество «Кавказская тюркская литература».

В 1913–1914 годы Сеид Гусейн работал редактором газеты "Игбал" ("судьба"), **снискав известность не только как автор психологических рассказов, но и как литературный критик.** Его статьи о творчестве Алипаши Сабура, Мухаммеда Хади, Юсифа Везира Чменземинли и Рзы Зеки отличались доброжелательным подходом при строго объективном анализе.

В 1915 году вышел второй сборник рассказов Сеида Гусейна – «Беглый сын или отцовская любовь». Весь гонорар за эту книгу автор передал в качестве пожертвования для детей из бедных семей – учащихся школы «Шафа» («исцеление»).

В 1918 году Сеид Гусейн был избран председателем учреждённого правительством

Учебное пособие "Тюркский (т.е. азербайджанский) алфавит", отредактированное Сеидом Гусейном

Азербайджанской Демократической Республики творческого общества «Зелёное перо».

В начале 1920-х годов Сеид Гусейн в основном занимался **педагогической деятельностью, преподавая азербайджанский язык и литературу** в начальных и средних школах, техникумах, и одновременно работал в редакциях газеты «Коммунист», журнала «Шарг гадыны» («женщина Востока») и в Азербайджанском государственном издательстве. В 1923 году вышла в свет его монография «Абдулла Шаиг Талыбзаде», посвящённая жизни и творчеству известного азербайджанского писателя.

Как писатель Сеид Гусейн наибольшую известность обрёл **с 1927 года, когда один за другим появлялись в печати его увлекательные, глубоко психологические рассказы**. В 1928 году «Азернешр» выпустил сборник рассказов Сеида Гусейна под названием «На путях новой жизни», в который вошли произведения, написанные только за 1927 год. Окрылённый успехом этой книги, писатель с ещё большим рвением стал заниматься литературным творчеством. За короткое время были

написаны рассказы «Мехрибан», «Крушение», «Грустное воспоминание», «Ширинназ», «В зимние ночи спящей деревушки» и многие другие. Все эти произведения были включены в объёмистый сборник рассказов «Между двух жизней», изданный «Азернешром» в 1930 году и переизданный в 1934 году с существенными дополнениями. В последующие годы Сеид Гусейн, кроме интересных рассказов, опубликовал ряд литературно-критических статей.

В 1934 году Сеид Гусейн принял активное участие в работе Первого съезда писателей Азербайджана. **В 1936 году он завершил многолетнюю работу над романом «Армус»**, который был выпущен издательством «Азернешр». В 1937 году вышел сборник рассказов «Ширинназ» – последнее прижизненное издание писателя.

К великому сожалению, и творческая деятельность, и жизненный путь Сеида Гусейна оказались оборваны слишком рано, в 1937 году он был арестован как бывший мусаватист и расстрелян в ссылке.

Из рассказов Сеида Гусейна явствует, что автор *Рассказ "Зубная боль или несчастный Маторен", переведенный Сеидом Гусейном с турецкого языка на азербайджанский*

накопил обширный запас интересных наблюдений из жизни народа. **Большинство его произведений посвящено теме раскрепощения женщины.** На эту тему им написано десятки рассказов. Хотя писателя, конечно же, волновали и другие вопросы. Его рассказы «История одной улицы», «Его сын», «Месяц изобилия», «Министр иностранных дел» и другие тематически существенно отличаются друг от друга.

Произведения Сеида Гусейна всегда привлекали и привлекают вдумчивых читателей своими жизненными, реалистичными сюжетами. Автор пристальное внимание уделяет психологическому анализу своих героев. Его образы от рассказа к рассказу становились более яркими, глубокими и многогранными. **Сеид Гусейн остался в истории азербайджанской литературы, прежде всего как незаурядный мастер психологического рассказа.** Его герои, попадая в трудные перипетии жизни, умеют отстоять себя в борьбе. Они несут характерные черты своей эпохи и воплощают лучшие и характерные черты своего народа.

Язык писателя богат красками, тонкими оттенками, необычайно ясен и прост. Его герои говорят и думают соответственно своему мировоззрению и уровню развития, своему общественному положению, профессии, возрасту.

Принципы отображения действительности, которых всегда придерживался Сеид Гусейн, убеждают в том, что писатель успешно осваивал лучшие традиции азербайджанской классической литературы и достойно развивал их, обогащая специфическими чертами своего творчества. Прозаик Сеид Гусейн, несомненно, принадлежит к видным представителям богатой азербайджанской литературы, имеющей тысячелетнюю историю. ✨

Литература

1. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. III cild. III cild. Sovet dövrü. Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, Bakı, 1957. 562 s.
2. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
3. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı tarixi. İki cild. Birinci cild. Baş redaktor akademik Məmməd Arif. Bakı,

Сборник рассказов Сеида Гусейна, переизданный несколько лет назад

- Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967. 640 s.
4. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
5. Сеид Гусейн. Девушка из Гиляна. Рассказы. Баку, Азернешр, 1984. 184 с.
6. Əhmədov T.Ə. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. 984 s.
7. Иса Габиббейли. Азербайджанская литература начала XX века. 2-е издание, дополненное. Москва, «Триада», 2008. 178 с.
8. Антология азербайджанской прозы. В 3-х томах. Том первый. Главный редактор Анар. Составитель доктор филологических наук, профессор Гасан Гулиев. Баку, «Нурлан», 2011

The article briefly describes the life path and activities of prominent Azerbaijani writer and publisher, literary critic of the early 20th century and teacher Seyid Huseyn.

Девушка из Гиляна

(Рассказ)

I

Я познакомился с этой девушкой в тысяча девятьсот восемнадцатом году, когда ехал из Решта в Лахиджан. Нас было пятеро: я, девушка, старуха, которая её сопровождала, и двое пожилых мужчин.

До переправы я не обращал внимания на эту девушку, тем более что ехал я в голове каравана, а она – в самом хвосте.

Вода в реке значительно прибыла, так как началась жара. Сефидруд был сейчас особенно бурным; словно голодный лев, ревел он, стремясь вырваться из берегов, а утлая лодчонка, в которой нам предстояло переправляться через реку, не внушала никакого доверия. Когда мы достигли стремнины, лодка, подчиняясь бурному потоку, вдруг повернулась и понеслась вниз по течению. Я думал, что девушка испугается – она была самой молодой среди нас, – но ничего подобного не случилось. Наша юная спутница глядела по сторонам, как ни в чём не бывало, на её лице не было заметно ни малейшего признака волнения. Время от времени она, словно находясь в театре, с интересом посматривала на нас, мужчин – как-то, мол, вы себя чувствуете?

Теперь уже невозможно было не заинтересоваться этой девушкой – её бесстрашие и равнодушие к опасности невольно привлекали внимание, тем более что она была почти ребёнком, я бы дал ей не больше четырнадцати лет.

Переправившись через реку, мы снова сели на коней. Я то и дело оглядывался. Мне очень хотелось остановить коня и, дождавшись, когда она поравняется со мной, поехать рядом. Однако это оказалось невозможным. Караванные лошади приучены передвигаться в определённом порядке – каждая на своём месте. Стоило мне придержать свою лошадь, как другие немедленно останавливались.

К вечеру мы добрались до стоянки и расположились в чайхане – нужно было отдохнуть, накормить лошадей. Солнце уже садилось, жара спадала. Я вышел из чайханы и увидел свою юную попутчицу. Она сидела под деревом у самого берега. Я прошёл мимо и, словно невзначай, посмотрел на неё. Девушка подняла голову, быстро взглянула мне в лицо, потом снова опустила глаза. Я заметил только длинные чёрные ресницы. Лицо её, обрамлённое чадрой, показалось мне удивительно печальным.

Мы снова двинулись в путь. И снова мне очень хотелось заговорить с этой девушкой. Под каким-то предлогом я отвёл лошадь в сторону и спешился. Попутчики проехали, девушка тоже. Но я поймал её взгляд, и мне показалось, что девушка хочет что-то сказать мне.

Я вскочил в седло и пристроился вслед за девушкой, хотя лошадь всё время рвалась вперёд, чтобы занять свое место в караване. Поравнявшись с девушкой, я снова поймал на себе её взгляд и поздоровался. В Иране так принято – все люди, знакомые и незнакомые, здороваются при встрече. Она ответила на моё приветствие.

– Я очень испугался за вас, когда мы переправлялись через реку, – сказал я, чтобы начать разговор.

– Почему же вы испугались за меня?

– Но как же – положение было очень серьёзным!

Она помолчала, словно раздумывая о чём-то.

– Если бы случилось несчастье, я не остановился бы ни перед чем, чтобы спасти вас, – добавил я.

– Неужели? – удивлённо спросила девушка. – А меня совсем не пугает смерть.

Я изо всех сил натягивал узду, стараясь удержать коня, но он рвался вперёд. Наконец мне удалось задержаться возле девушки.

– Куда вы едете? – спросила она.

– В Лахиджан. А вы?

– Меня везут в Рудсер.

– Почему везут? Разве вы едете не по своей воле?

– Не знаю... Может, и по своей...

Конь снова вынес меня вперёд. Тогда я спешился, свёл его на обочину, и опять оказался рядом с девушкой.

Она ехала молча, видимо, занятая своими мыслями, и я мучительно искал повода, чтобы заговорить.

Вдруг девушка обернулась ко мне.

– Я вас знаю, – сказала она по-персидски.

Откуда эта девушка может знать меня, если я вижу её впервые? Я уже хотел задать ей этот вопрос, как вдруг услышал свист плётки и брань караванщика – он кричал на моего коня. Тот рванулся, и я оказался в голове каравана, так и не успев задать свой вопрос.

Спорить с караванщиком не было смысла. Его конь, привыкший к своему месту в караване, упря-

мился, не хотел идти впереди и задерживал весь караван, тогда как до захода солнца мы должны были успеть в Лахиджан.

Мы въехали в город, когда со всех минаретов звучал вечерний азан. Здесь мы расстались: мужчины, ехавшие в нашем караване, направились в одну сторону, девушка со старухой – в другую. Я заночевал в чайхане, которую здесь громко именovali гостиницей.

Приближалась ночь, все реже слышались шаги прохожих. Тут вообще было очень тихо – чайхана находилась на одной из самых глухих улиц. Утомлённый трудной дорогой, я дремал в своём номере. «А я вас знаю», – вдруг всплыло в моей памяти. Откуда ей меня знать? Вероятно, ошиблась, спутала с кем-нибудь. А может быть, я просто ослышался.

Думать обо всём этом нет никакого смысла. Девушка уехала, и едва ли я когда-нибудь встречу с ней.

Вошёл коридорный.

– Вам письмо, – сказал он, протягивая мне небольшой конверт.

Недоумевая, я раскрыл конверт. Письмо состояло из двух фраз, написанных по-персидски:

«Если можете, приходите в караван-сарай, где мы остановились. Мне необходимо срочно переговорить с вами».

Подписи не было, но я сразу понял, что письмо от моей необычной попутчицы, и решил немедленно отправиться к ней. Но куда? Я первый раз в этом городе, ничего здесь не знаю. Кроме того, я понятия не имею, в каком караван-сараяе они остановились. Смогу ли я разыскать его? И как спросить о ней, я ведь тоже не знаю.

Тем не менее, я решил выйти на улицу и, несмотря на непроглядную тьму, попытаться разыскать девушку. И тут я совершенно неожиданно обнаружил, что запереть мою комнату невозможно – в двери нет ни внутреннего замка, ни кольца для всячего замка. В то же время из надписей, сделанных на стенах комнаты прежними постояльцами, явствовало, что гостиница эта – место отнюдь не благонадёжное, и было бы наивно рассчитывать, что мои вещи останутся в целости и сохранности.

«А может быть, всё это придумано лишь для того, чтобы выманить меня отсюда и обокрасть?» – вдруг мелькнуло у меня в голове. Выходить было бы, пожалуй, слишком опрометчиво. Да и что она скажет мне?..

*Иллюстрация к рассказу "Девушка из Гиляна".
Художник Октай Садыгзаде, сын Сеида Гусейна*

II

Я пробыл в Лахиджане только десять дней, так как заболел тифом и вынужден был возвратиться в Решт. За месяц, который я пролежал в постели, произошло немало событий. Казаки русского генерала Бичерахова заняли Решт и передали его англичанам.

Кичикхан, правитель Решта и Гиляна, оттянул свои силы к Дженгелю и оттуда предпринял наступление на англичан. Это привело к тому, что Рештский округ оказался отрезанным от Гиляна. Начались беспорядки, выезжать из города стало опасно. Я узнал, что Баку оккупирован англичанами, а в окрестностях его хозяйничают турки. По всему было ясно, что я надолго застрял в Реште.

Любопытно, что ни болезнь, ни стремительно разворачивающиеся грозные события не смогли вытеснить из моей памяти слова той девушки: «Я вас знаю!» И письмо без подписи, которое я получил тогда ночью... Письмо было от неё – теперь я почему-то окончательно убедился в этом.

«Я должен был разыскать тогда эту девушку, – мысленно укорял я себя. – Она знает меня, и, наверное, ей нужна была моя помощь».

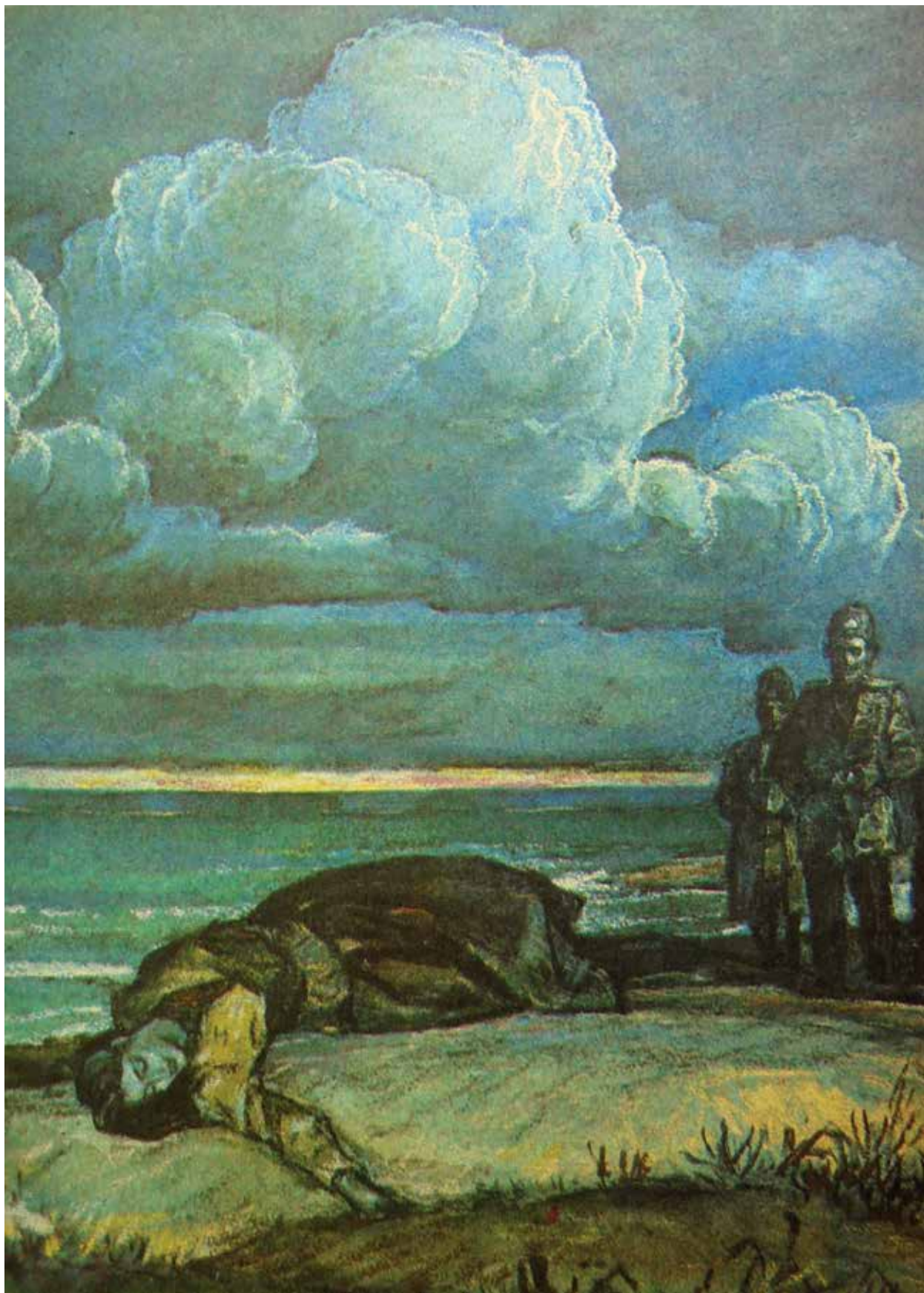

Иллюстрация к рассказу "Девушка из Гиляна". Художник О.Садыгзаде

Я решил во что бы то ни стало пробраться в Рудсер и разыскать девушку. Но мне не удалось привести в исполнение свой замысел. Когда в середине августа я выехал из Решта, дорога на Рудсер оказалась закрытой: английские войска, выступившие против Кичикхана, соединились с тегеранскими частями.

Я окончательно потерял надежду когда-нибудь увидеть ту девушку. Делать мне в этом городе было нечего, и разум подсказывал, что надо возвращаться. Но как мне не хотелось уезжать отсюда ни с чем! Увидеть бы её, узнать, что же она хотела мне сказать – ни о чём другом я не мог теперь думать! И я продолжал ждать.

Как-то в полдень я стоял на высоком каменном мосту через Ленкруд и наблюдал за крестьянами, которые везли на базар продукты.

– Господин! – раздался позади меня слабый голос. Я обернулся. Передо мной стояла старуха в чёрной чадре. – Вас очень хочет видеть одна девушка, – сказала она. – Вы должны ей помочь. Она ждёт.

– Веди меня к ней! – обрадованно воскликнул я, сразу поняв, о ком говорит эта женщина.

Я пошёл за старухой, и вскоре мы оказались на тихой, безлюдной улице перед двухэтажным особняком с массивными железными воротами, очень похожими на крепостные. Дом был обращён окнами внутрь, они выходили в большой, тенистый сад.

– Здесь, – сказала старуха, указывая на дом. – но сейчас к ней нельзя.

Она отвела меня в сторону и указала на невысокую ограду, окружающую сад.

– Приходи сюда, когда пройдёт пять часов после вечернего азана, она будет ждать тебя.

Пять часов после азана по иранскому исчислению времени соответствуют примерно полуночи. Я с нетерпением ждал этого часа, задавая себе одни и те же вопросы: «Что за дело может быть ко мне у этой девушки? Откуда она знает меня? Как и чем могу я помочь ей?» Наконец, назначенный час наступил. Город медленно погружался в сон, улицы опустели. С трудом отыскав садовую ограду, которую указывала мне днём старуха, я в нерешительности остановился перед ней – в темноте ничего невозможно было различить. «Чего доброго, за вора примут», – невольно подумал я.

Тёмная женская фигура безмолвно выросла передо мной.

– Вас ждут, – послышался тихий голос.

Я узнал голос – это была та самая женщина, которая днём привела меня сюда. Она расстелила под деревом коврик и велела мне сесть. Вскоре я увидел свет фонаря: кто-то приближался, освещая себе дорогу. Это была она, девушка, мысль о которой неотступно преследовала меня последние месяцы. Она опустилась рядом со мной на коврик и сразу погасила фонарь, видимо, из предосторожности. Взошла луна, её бледный свет трепетал на листьях деревьев. Поблагодарив меня за то, что я согласился прийти, девушка снова повторила, что знает меня,

– Потому я и решила обратиться к вам, – сказала она. – Вы приходили к нам в школу. Я хорошо помню, вы ещё стояли возле двери и разговаривали с мужем директорши, а он никак не хотел пропустить вас в школу. Это женская школа, говорил он, вы посторонний человек, я не могу разрешить вам войти... Тогда вы сказали, что вы из газеты, корреспондент, путешествуете по стране. Вам стали показывать наши письменные работы, рукоделия; мы, девочки, стояли за дверью и всё слышали. Вот с тех пор я вас и запомнила. Письмо, которое вы получили тогда ночью, в Лахиджане, писала я. Помните, вы сказали, что спасли бы меня, если бы лодка опрокинулась, вот я и подумала... Мне ведь не страшно умереть... Я написала, потому что... Я решила сказать... задать вам вопрос...

Она вдруг умолкла, низко опустив голову. Я молчал, потрясённый, – что случилось с этой девочкой, почему она вдруг желает смерти? Похоже, горе её нешуточное. Смогу ли я помочь ей?

– Вы хотели задать мне вопрос?

– Да. Я попала в беду, я погибаю... Скажите, если для того, чтобы спасти меня, понадобится рисковать жизнью, вы пойдёте на это?

Что я мог сказать ей? Конечно, если бы лодка стала тонуть, я сделал бы всё, чтобы спасти девушку, но она так поставила вопрос...

– Вы сейчас хотели бы получить ответ?

– Нет, не сейчас, сперва вы должны узнать обо мне всё. Я расскажу вам о себе, можно?

– Да, да, я слушаю вас.

И Гонча – так звали девушку – начала свой рассказ.

III

Её грустный голос был очень красив, и рассказ то лился плавно, как спокойная, медлительная река, то нёсся бурным, стремительным потоком.

Гонча рассказывала, перелистывая одну за другой страницы своей жизни, и, словно кадры киноленты, иллюстрирующей чудовищность современного средневековья, проходили перед моим мысленным взором отвратительные картины разложения общества.

– Я была единственным ребёнком в семье, меня очень любили. Мы жили богато, ни в чём не нуждались. Когда два года тому назад умер отец, после него остались сады, шёлкомотальная мастерская, несколько лавок и двухэтажный каменный дом. Моим опекуном назначили дядю – брата отца, и первым делом он женился на моей матери, хотя у него уже были жена и дети.

Я, как и раньше, продолжала учиться. Однажды к нам в школу приехал попечитель. Это был один из самых богатых людей в округе, на его пожертвования учились сироты. Попечитель побеседовал с несколькими девочками из нашего класса, потом подозревал меня. Он был очень толстый, противный, мне неприятно было смотреть на него. Но он только спросил меня об учёбе и отпустил, а сам стал о чём-то договариваться с директором.

Вечером того же дня попечитель вместе с директором школы явился к моему опекуну. Когда гости ушли, мама сказала, что этот человек хочет жениться на мне, и дядя просит меня дать согласие. Я похолодела и в ужасе стала кричать, что это невозможно, что я никогда не соглашусь.

Меня пытались вразумить, мне объясняли, что господин Низам уд-довле – один из самых богатых людей в нашем городе, но слова эти не доходили до моего сознания; я знала одно – этот человек отвратителен мне. Но дядя настаивал – жадный, корыстолюбивый, он непременно хотел выдать меня за богача, так как надеялся, что в этом случае я не стану впоследствии требовать отцовского наследства.

Когда мама объяснила мне, в чём дело, я сразу же пошла к опекуну.

– Дядя, дорогой! – сказала я. – Я отдам вам всё, что оставил отец. Пользуйтесь, ради бога, по своему усмотрению! Только не отнимайте у меня свободу, не продавайте меня! Ведь у меня есть душа, сердце, человеческое достоинство, я не лавка, которую можно сдать в аренду!

Я плакала, умоляла, заклинала понять меня. Мама тоже плакала. Дядя молчал, раздумывал, мне показалось, что я убедила его.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – согласился

он наконец. – Но ты понимаешь, девочка, Низам уд-довле – очень сильный, влиятельный человек, и если он выбрал тебя, то тебе небезопасно оставаться в городе. Придётся месяца на два уехать.

Конечно, я с радостью согласилась – мне так хотелось сбежать отсюда, быть подальше от своего страшного жениха. Опекун сказал, что отправляет меня в Рудсер к тётке. Ко мне приставили какую-то старуху, она тоже ехала в Рудсер и якобы знала мою тётю. Старуха показалась мне подозрительной, она говорила, что знает тётю, но оказалось, что она и понятия не имеет о её дочерях. Тогда мне стало страшно...

Луна уже стояла высоко, и было довольно светло. На безоблачном небе ярко горели звёзды. Гонча молчала. Кругом было тихо-тихо, только невдалеке у речки невесело квакали лягушки.

– Я узнала вас сразу, как только мы выбрались из Решта. Вы ехали впереди, но я всё надеялась, что вы каким-нибудь образом окажетесь рядом, и я смогу обратиться к вам за помощью. Я так обрадовалась, когда после переправы через Сефидруд вы заговорили со мной. К тому же вы сказали, что спасли бы меня в случае опасности, и я сразу поверила, что вы поможете мне. Я хотела сейчас же всё рассказать вам, но подъехал караванщик и отогнал вашу лошадь. В Лахиджане я послала вам письмо и очень надеялась, что вы придёте! Мне с каждым часом становилось страшнее. Утром, когда мы отправлялись, я все искала вас глазами... Потом меня привезли вот в этот дом, сказали, что мы только переночуем здесь, а утром поедем дальше.

Меня обманули. Это дом Низам уд-довле. Опекун придумал поездку к тётке для того, чтобы без лишних слёз отправить меня сюда.

Скоро я поняла, куда попала. Я рыдала, кричала, умоляла отпустить меня. Я даже пыталась бежать, но кругом были люди моего мучителя, и никто не хотел мне помочь.

Кончилось тем, что меня заперли. Каждый день ко мне приходили какие-то люди и говорили об одном и том же – я должна согласиться. «У тебя нет другого выхода», – убеждали они меня. Они не понимали, что я не могла согласиться – ведь даже смерть страшила меня меньше, чем объятия отвратительного толстяка.

Так прошло двадцать дней. Меня настойчиво уговаривали, приносили мне дорогие, красивые вещи, пытались запугать. Ничего не помогало – я не соглашалась стать женой Низам уд-довле.

Тогда мне предложили выбор: либо провести с ним ночь, только одну ночь, либо до конца дней своих оставаться в этой комнате...

Гонча умолкла и вздохнула так тяжело, словно на её хрупкие полудетские плечи взвалили огромную тяжесть. Нежный голос девушки, только что так мелодично звучавший, потускнел, словно она охрипла от горя. Теперь и мне стало страшно – почти ребёнок, не видевшая в свои неполные тринадцать лет ещё ничего, кроме учебников, чистая и прелестная, как ангел, она поставлена была перед таким чудовищным выбором!

– Я осталась совсем одна, и я ничего не понимала в жизни, – продолжала свой рассказ Гонча, посоветоваться мне было не с кем, помощи ждать неоткуда – нужно было решать. Женщина, ухаживавшая за мной, настойчиво советовала мне принять первое предложение: «Ну, потерпишь ночку, помучаешься, – говорила она, – и ведь даже не целую ночь, а какой-нибудь часок. Зато потом свободна будешь, как птичка, куда захочешь, туда и полетишь...»

А я так хотела жить... Сердце моё было полно неосуществлённых желаний!.. Неужели всё кончено? Какое преступление я совершила, что должна быть наказана поруганием или вечным затворничеством?! Я не знала, на что решиться. Я снова плакала, кричала, умоляла... Никто не слушал меня, никто не хотел помочь мне! Я согласилась провести с ним ночь.

Гонча снова умолкла, видимо, не в силах больше говорить. Лицо её было закрыто руками, она вся дрожала. Луна, показавшись из-за дерева, ласково прикоснулась своим тихим лучом к чёрной чадре Гончи. Девушка тяжело вздохнула, вытерла слёзы.

– Рассказывайте, – попросил я.

– Трудно... Очень трудно... Как ни мучительно было всё это пережить, рассказывать, кажется, ещё труднее... – Она снова вздохнула. – Я уже сказала вам: я согласилась. Меня красиво нарядили, украсили, словно куклу – я должна была как можно полнее удовлетворить похоть своего повелителя. Привели в какую-то комнату и ушли... Ужас, невыносимый ужас охватил меня. «Я не могу! – закричала я что есть силы. – Не хочу! Пустите меня!» Но тут открылась дверь, и появился этот человек. Не помня себя, я упала к его ногам. Я целовала их, поливая слезами, я умоляла сжалиться надо мной. Мой повелитель молча улыбался. Потом он железной рукой обхватил меня и поднял.

Видимо, Гонча заново переживала всё, что про-

*Иллюстрация к рассказу "Девушка из Гиляна".
Художник О.Садыгзаде*

изошло в ту страшную ночь: её маленькое, хрупкое тело трепетало от ужаса и отвращения. Она рыдала, а я молчал, не зная, где взять слова, чтобы успокоить бедную девочку.

– Я не знаю, что ещё рассказать... – услышал я сквозь рыдания. – Мне казалось, что ночь будет длиться вечно. Наконец стало светать, и вместе с рассветом надежда вернулась ко мне. Теперь я, наконец, смогу уйти из этого проклятого дома, бежать из чудовищной тюрьмы. Но я снова была обманута. Меня не выпустили ни через неделю, ни через месяц... Вот уже два месяца я здесь. И каждую ночь, каждую ночь!.. Я рассказала вам всё – я покончу с собой, сожгу себя, если вы не поможете мне. Спасите меня! – Дрожащими руками она схватила меня за руку.

– Я помогу вам, Гонча, – твёрдо сказал я. Я сделаю всё для вашего спасения, не отступлю ни перед какой опасностью.

Вернувшись к себе, я долго лежал без сна. Как поступить? Мне казалось, я вижу бушующее пламя, в котором гибнет Гонча, вижу, как огонь охватил полудетское, ещё не успевшее расцвести тело. Девушка протягивает ко мне руки, она молит о спасении!.. Я должен, я обязан помочь!

Утром я отправился в полицейское управление. Начальник полиции бесстрастно выслушал меня и сказал так:

– Мне известно всё, что происходит в доме Низам уддовле, – по долгу службы я обязан быть осведомлён обо всём, что творится в городе, – и, тем не менее, я не в силах помочь. Вопросы брака и развода целиком в компетенции духовенства. Поскольку эта женщина – законная супруга Низам уддовле, вы сами понимаете...

Ахунд города тоже отказался предпринять что-либо для спасения Гончи. «Мне неизвестно ничего предосудительного», – спокойно сказал он. Ахунд сообщил мне также, что, по его мнению, не следует разрешать женщине разводиться с мужем, когда ей заблагорассудится: «Это привело бы к возникновению бесчисленных дрязг и осложнений в семейной жизни. Шариат предусматривает это».

Оставалось только одно – похитить Гончу. Но об этом необходимо было договориться с ней самой. Я стал дожидаться ночи – девушка снова должна была ждать меня в саду.

Солнце садилось, скользя по земле печальными, слабыми лучами – казалось, умирающая от чахотки девушка взглядом прощается с родными. Я вышел из дома, чтобы купить кое-что на дорогу, и сразу увидел старуху, ту самую, которую присылала ко мне Гонча. Она поспешно отвела меня за угол.

– Низам уддовле знает о вашем замысле. Знает, что вы виделись вчера с Гончой. Два часа назад он отправил её куда-то...

Это сообщение подействовало на меня, как ушат холодной воды. В совершенной растерянности стоял я перед старухой.

– Вот письмо. – Старуха протянула мне конверт. – Это она мне дала, когда уезжала.

«Не приближайтесь к нашему дому. Вам угрожает опасность. Уезжайте сейчас же, как только получите это письмо. Гонча».

Свет померк в моих глазах. Я хотел поподробнее расспросить женщину о Гонче, но та, не отвечая на мои вопросы, твердила одно:

– Уезжайте! Уезжайте скорее! Никто не должен знать, куда вы отправитесь! Люди Низам уддовле следят за вами!

IV

Я приехал в Ленкруд весёлый, полный планов и надежд. Совсем в другом состоянии покидал я теперь этот город. Я не мог забыть Гончу, её горькие мольбы, её отчаянные, придушенные рыдания.

Ночью я сел в лодку и стал спускаться вниз по течению. Горько было у меня на душе. Мне казалось, что всё вокруг смеётся над моим позорным провалом. Герой! Я обещал ей спасение. «Я спасу вас, даже если моей жизни будет угрожать опасность». Я не только не сумел спасти девушку, я не смог сделать ничего для облегчения её участи. Да и что может сделать один человек? Правительство, духовенство, любой торговец и ремесленник поддерживают Низам уддовле, ибо все убеждены, что женщина не должна распоряжаться собой. Вышедший закон страны – шариат раз и навсегда лишил несчастных возможности решать свою судьбу. «Женщина не вправе развестись с мужем», – гласит этот неумолимый закон...

Наступила осень. Стало прохладней. Густой плотный туман, через который не могли пробиться лучи солнца, уже много дней висел над Гиляном. Оставаться в Иране я больше не мог, необходимо было возвращаться в Баку. Все это время я ни на минуту не забывал о Гонче и о том, что ничем не помог ей. Стоило мне закрыть глаза, я видел бледное, измученное лицо, черные, блестящие от слез глаза, тонкие дрожащие руки, в страстной мольбе протянутые ко мне...

Я не мог простить себе, что ничего не сделал для спасения Гончи, и мучился так, словно сам был виновником её трагедии.

Уезжая из Энзели, я написал Гонче письмо и отдал его той старухе, что помогла мне когда-то разыскать девушку.

«Я возвращаюсь в Баку, – писал я, – на душе у меня тяжело: я не помог вам. Я знаю, это будет мучить меня всегда. И вместе с тем я знаю, что спасти вас невозможно, потому что дело не только в Низам уддовле, – всё гораздо сложнее. В вашей трагедии повинен весь строй страны, её порядки, её законы, разрешающие мучить таких, как вы. И пока существуют эти законы, спасения нет! Они должны быть уничтожены, а чтобы уничтожить их, надо бороться!»

Мощной грудью, разрезая волны Каспия, пароход всё дальше уносил меня от берегов Ирана. И по мере того как я удалялся от этой цитадели старого Востока, всё что происходило там со мной, постепенно таяло в памяти, затягивалось дымкой забвения. И только одна мысль, один вопрос неотступно преследовали меня: «Получит ли Гонча моё письмо, застанет ли оно её в живых?»

Перевод Тамары Калякиной